

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.120

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ И НАРРАТИВЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет
имени В.Н. Полецкова», г. Кемерово

В современном научном знании повышается внимание к языку и его потенциалу. Вышедшие на первый план вследствие лингвистического поворота личные истории и нарративы позволили исследователям сфокусироваться вокруг новых репрезентативных возможностей и эвристических граней в восприятии, объяснении и структурировании социокультурной реальности. Вполне правомерно говорить об осознании значимости повествований в жизнедеятельности, сосредоточенных не в специализированных текстах, но в обыденном языке. Кроме этого, следует констатировать, что в современных условиях акценты смещаются именно на перформативную природу личностного конструирования и моделирования действительности в самых различных сообществах. Стало быть, структурный и функциональный потенциал личных историй и нарративов перманентно расширяется. Настоящая статья посвящена рассмотрению личных историй и нарративов в современных реалиях. Автор фиксирует активную нарративизацию научного знания, сосредоточиваясь на репрезентативных возможностях этих социальных феноменов и проводя дифференциации между нарративами как таковыми, выражающими авторское осмысление каких-либо фактов через призму своего жизненного опыта и их последующее изложение, и личными историями как рассказами ментальных субъектов непосредственно о своих жизненных событиях. На основе анализа различных подходов уточнены сущностные характеристики рассматриваемых социальных феноменов. В работе также изучены стадии формирования личных историй и нарративов. В заключение подведены итоги исследования.

Ключевые слова: *личная история, нарратив, автор, общество, смысл, субъективность, образ, дискурс, жизненный мир.*

Начнем с того, что одним из следствий произошедшего в прошлом столетии «лингвистического поворота» стало активное вхождение в предметное поле целого ряда наук таких феноменов, как «дискурс», «история» и «нарратив» [12]. Нельзя не отметить, что сегодня свое внимание на эти конструкты мыслительной и речевой деятельности обращают не только социально-гуманитарные, но и естественные науки: «В медицине, праве,

© Равочкин Н.Н., 2024

истории, историографии, антропологии и психотерапии нарративы составляют продукты научной деятельности; в философии, культурологии, теологии – скорее поглощаются и перемалываются в жерновах вдумчивой аналитической деятельности» [28, р. 518].

Активно осуществляемая нарративизация знания проходит в связи с учетом детерминационных и объяснительных возможностей обозначенных когнитивных объектов, создаваемых ментальными субъектами. Для нас отличие нарративов от личных историй состоит в том, что первый из феноменов – это, по сути, любое повествование, осуществляемое через личностное переосмысление каких-либо хроник или событий, в которых автор мог вовсе не находиться физически, например, расстановка акцентов на произошедших в эпоху модерна фактах и их изложение. В свою очередь, личная история всегда непосредственно связана с жизнедеятельностью самого рассказчика. Через аналитику личных историй и нарративов весьма удобно схватываются предпочтения авторов по восприятию, структуризации, сохранению и транслированию знаний об окружающей действительности в форме вербальных сообщений, позволяющих создавать определенный мир, в котором одновременно репрезентированы и драматургия происходящего с человеком, и реализуемые ими коммуникативные интенции. Таким образом, изучение историй и нарративов открывает возможности к пониманию функционирования различных наук и областей знания через учет их повествовательной природы.

В рамках обществоведения нарративизацию одним из общепринятых вариантов раскрытия ее сути полагает перенос исследовательского интереса с анализа объективных социальных явлений на осмысление субъективности. Так, в реалиях современной общественной жизни индивидуальные судьбы и интерпретации сознания любого человека, представляющего как совокупность текстов, напрямую указывают на неизбежность наличия множественных, а вполне возможно, и на допущение существования ошибочных трактовок текста, как и на признание влияния личных историй и нарративов на моделирование практик и реалий повседневности [7].

Однако невзирая на достаточно продолжительный период изучения личных историй и нарративов, их воздействие на формирование миропонимания, которое впоследствии находит свою репрезентацию в выборе поведенческих стратегий, характере взаимодействий личности с социокультурной окружающей средой, моделировании повседневности, по сегодняшний день интерпретация личных историй и нарративов в научной литературе неоднозначна. Механизмы взаимодействия между данными социальными феноменами современности и их влияние на формирование повседневности остаются малоизученными и требуют фундаментального рассмотрения. По сути, данная логика укладывается в ту перспективную исследовательскую нишу, в которой можно было бы понять значение личных историй и нарративов при построении объяснений происходящих социальных процессов и событий. Несомненно, смена характера использова-

ния знания позволит обнаружить ту линзу, благодаря которой можно увидеть ранее неучтенные результаты intersубъективных взаимодействий и тем самым обнаружить новые смыслы.

Хотелось бы отметить, что обращение к использованию личных историй и нарративов для анализа тех или иных граней социальной жизни связано с именами У. Томаса и Ф. Знанецки, которым еще столетие назад удалось обратить внимание на потенциал биографий, или «документов жизни», в процессе изучения и интерпретации социальных явлений и процессов и их роли в развитии общества. Интенсивность развития социологической науки хоть и привела к утрате интереса к биографиям, но позднее на авансцену вновь были выдвинуты новые формы таких документов – личные истории и нарративы, что привело к расширению эмпирической базы. Получается, что обращение к новому материалу исследований ознаменовало «методологический поворот», в результате чего наука сосредоточила свое внимание на идеографическом поиске, а именно на признании необходимости изучения уникальных жизненных траекторий отдельных людей и их судеб во всем богатстве смыслов, которые конституируются неповторимыми комбинациями ее повседневных практик, особенностями построения личного опыта и его вербализации, что де-факто способно привести к поворотным моментам в истории. Можно согласиться с А.С. Готлиб в том, что отдельный индивид с его жизненным миром и мировоззренческими установками, без всякого преувеличения, становится агентом исторического процесса, «повседневные решения и взаимодействия которого вплетаются и одновременно создают живую, постоянно воспроизводящуюся социальную ткань» [3, с. 10].

Укоренение восприятия личной истории как отражения истории общечеловеческой во многом связано с именем А. Тойнби, который, как пишет Е.В. Пилюгина, одним из первых «легитимировал понимание человеческой истории как повествования о событиях, фактически осуществив коннотацию истории как науки о прошлом и “историй” как событийных представлений этого прошлого в форме текстов и дискурсов» [10, с. 89]. В таком ключе история воспринимается как нарратив, впоследствии в связи с широким функционированием указанного термина и также ростом научного интереса к изучению повседневности сама жизнь человека начинает восприниматься как нарратив.

В одной из первых дефиниций нарратив представляет собой «текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного» [25, с. 8]. В структуре нарратива можно выделить два вида событийности: референтную, имеющую отношение к тем или иным событиям, процессам социальной среды; коммуникативную, отражающую особенности интерпретации, оценивания, восприятия личностью этих событий или процессов. Получается, что личные истории и нарративы становятся одновременно и реалистичными, поскольку содержат правдоподобные высказывания, и субъектными, поскольку любые относящиеся

к этому классу объекты выступают продуктом социальной и общей культуры авторов, которые стремятся соединить разрозненные сюжетные линии воедино [6, с. 296]. В современных реалиях с оформлением многозначности концептов личные истории и нарративы обладают «множеством семантических ракурсов, позволяющих накладывать <...> как рамку на самые разные фрагменты социальной и психической жизни людей, вычленив в них имманентные <...> смысловые черты» [10, с. 89].

В рамках данного исследования хотелось бы остановиться на позиции И.В. Троцук, которая считает, что данные феномены – это «повсеместный, исторически локальный, социально инструментальный и прагматический механизм организации человеческого опыта и обретения человеком своей идентичности» [22, с. 12] или «способ темпорального и логического конструирования, а не описания нашего опыта» [22, с. 10]. Указанные определения подчеркивают именно регуляторный характер личных историй и нарративов применительно к социальному бытию, утверждая, что они являются не отражением накопленного личностью экзистенциального опыта, но средством логического и темпорального конструирования действительности. Любопытно, что на «истинность» личных историй оказывает влияние реальность фактического переживания, особенности памяти и процесса коммуникативного взаимодействия. Т. е. личная история – это не вербальное описание пережитого, не слепок конкретной ситуации, но нарратив, на формирование которого оказывают влияние коммуникативные особенности, а также особенности памяти. Сами по себе абсолютно любые события являются лишь так называемой «совокупностью ресурсов для нарративной обработки». Говоря иначе, имеющийся в распоряжении автора набор действий, персонажей, ситуаций и фактов выступает «исходным материалом для отбора, результатом которого является история» [26, с. 150]. В основании любой личной истории и нарратива лежит событие, которое по тем или иным причинам приобрело для рассказчика особую значимость, или событийный статус. Говоря более предметно, событийность всегда зависит от ценностной интенциональности сознания и надления тех или иных эпизодов различными релевантными такому статусу смыслами. Никакие, даже наиболее масштабные, инциденты не являются событиями, пока не обретают ту смысловую значимость, которая определяется принадлежностью к повествовательной «картине мира, дающей масштабы того, что является событием» [9, с. 283].

Нарратив всегда субъективен, нацелен не на историю или на внешнее событие, но на саму личность: «Нарративные практики рассказывания о случившемся суть механизмы формирования, хранения и ретрансляции событийного опыта присутствия человеческих “я” в мире» [24, с. 34]. В условиях динамичного развития современной цивилизации задача сохранения «я» приобретает особую актуальность, приводит к формированию все новых и новых нарративов, личных историй.

В понимании Р. Барта и его последователей любую личную историю и/или нарратив можно представить как: 1) «относительно замкнутую модель событийной цепи, связанной пронизывающей ее логикой, организующей не только последовательность событий, но также их отбор» [18, с. 114]; 2) «отбор и монтаж элементов событийного ряда, при помощи которого автор достигает реализации своего пафоса косвенным путем – посредством рассказывания истории, создающей определенную точку зрения на предмет речи, т. е. его образ» [14, с. 119–120]. Таким образом, постмодернистская традиция подчеркивает, что истории и нарративы всегда отражают определенную событийную цепь, имеют связь с референтом, реальным событием и процессом, но при этом в процессе создания данных речевых конструкторов последовательность эпизодов может меняться, а в нарративе, отражающей личный опыт и особенности описаний, могут сохраняться далеко не все из них.

В.Н. Сыров при осмыслении нарративов и личных историй указывает на синтез этими социальными феноменами двух важнейших тем современной философии – времени и языка. Имея дело с повествованием как совокупностью знаковых систем в трехчастной структуре «начало – середина – конец», темпоральность сопряжена с интерпретацией и пониманием времени. Время и язык формируют условия конституирования плюрализма проявлений человеческой жизни и схватывают объекты в целостности, репрезентируя самые различные и неповторимо устроенные миры, а также предлагая способы описания организованного бытия [15; 17]. В свою очередь, вербальная сторона не только демонстрирует усиление роли языка в моделировании повседневности, но трансформирует личные истории и нарративы в «один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий» [21, с. 44]. Рассмотренные определения позволяют выделить такие сущностные характеристики данных социальных феноменов, как событийность, вербальную основу, упорядоченность, а также обращенность к личному опыту, или субъективность.

Заслуживает внимания позиция Д. Силвермена, который предлагает останавливаться не столько на интерпретации содержательной части рассматриваемых социальных феноменов современности, сколько на «способах и методах, при помощи которых люди, рассказывающие “свои истории”, объясняют события своей жизни, а также придают им конкретные значения» [29, р. 124]. В данном понимании именно факторы, которые формируют значимость событий для авторов и аудитории, являются куда более важным объектом изучения, нежели достоверность и соответствие истории реальности. Действительно, особенности вербализации всегда отражают личностные особенности продуцента, ведь одно и то же социальное событие или процесс будут неодинаково восприниматься рассказчиками, обладающими различными ценностями. Как не вспомнить, что лишь пятая часть любого текста несет в себе смысловую нагрузку, тогда как

остальное маркируется не иначе как «словесная мишура», не выполняющая сколь-либо важных смысловых функций [21, с. 45]. Любые описанные рассказчиком события и факты всегда преломляются через призму мировосприятия и миропонимания личности.

Дополнительные трудности при постижении личных историй и нарративов связываются с тем, что абсолютно любое прошлое – это сугубо избирательная реконструкция, создавая которую, автор будет стремиться исключить практически любой опыт, так или иначе угрожающий и допускающий разрушение артикулируемой им идентичности. Необходимо признать, что внутри заявленных феноменов весьма проблематично провести демаркационные линии между вымыслами и действительными фактами. Это объясняется тем, что любое событие, ставшее референтом для создания истории, претерпевает интерпретативную работу, при этом каждое истолкование имеет свое субъективное обоснование, и уже в силу этого данные обстоятельства будут являться истинными [1, с. 78]. Иными словами, события, процессы, описанные в личной истории, всегда истинны для рассказчика, даже в той ситуации, когда они имеют мало сходства с произошедшим.

Формирование личных историй и нарративов представляет собой поэтапный процесс, стадии которого были выявлены П. Рикером [13]. А.С. Терехов показывает, что в основании концепции лежит понимание этих социальных феноменов в качестве инструментов объективации и репрезентации человеческого опыта:

1. Префигуративная стадия. Составляющие истории и нарративы события еще не связаны и не упорядочены автором между собой, однако уже наделены смыслами для маркирования их целостности.

2. Конфигуративная стадия. Рассказчик осуществляет отбор событий, в определенной логике упорядочивает имеющиеся «в опыте» события и факты, выстраивает сюжетные линии – все это в целях создания имеющих общий знаменатель связей и подчинения их некоторой единой мысли, что позволяет заложить базис для последующих интерпретаций.

3. Рефигуративная стадия. Воспроизведение, реконструкция и интерпретация адресатом смыслов, заложенных в рассказ повествователем [18, с. 114].

Итак, отчетливо видно, как на каждой стадии создания жизненных историй и нарративов происходит переплетение объективного и субъективного. Вышесказанное позволяет выделить в структуре рассматриваемых социальных феноменов нарратива три взаимосвязанных компонента: (1) последовательность происшествий, обладающих статусом событийности, значимостью для рассказчика; (2) наррация – повествовательный акт как таковой; (3) устный или письменный дискурс как форма бытования [4, с. 284]. Обратим внимание на другой имеющийся вариант представления архитектоники личных историй и нарративов, который отображает их шестичастную структуру: (1) интеграция исходной ситуации; (2) дескрипция

времени, места, персонажей; (3) обозначение некоторой проблемной ситуации; (4) выражение рассказчиком своего отношения к ней; (5) разрешение коллизии; (6) построение референсов к актуальному [5, с. 15]. Подчеркнем, что перечисленные исследовательские позиции к пониманию структуры личной истории и нарратива не противоречат друг другу, но позволяют по-разному взглянуть на них как на целостные феномены. При синтезе приведенных подходов структура может быть представлена следующим образом (рис. 1):

Рисунок 1. Структура личной истории и нарратива

При реализации такого подхода в структуру последовательности событий включается описание исходной ситуации, конфликт и его разрешение; наррация, содержащая описание места, времени и действующих лиц, а также средства авторской оценки описываемых событий, дискурс отражает отнесенность личной истории к современности, сохраняющуюся важность, значимость организованных и упорядоченных событий прошлого для настоящего. Разумеется, представленная структурная модель выступает весьма условной, осуществляется исключительно в академических целях.

Характерно, что личные истории и нарративы могут анализироваться исследователями не только как свидетельства «встроенной» социальности, но и, к примеру, как языковые игры. В этом контексте следует дополнить, что смена соответствующих репертуаров позволяет исследовать процесс обретения индивидом своей идентичности и схватить значимые этапы ее конструирования в динамике жизни [3, с. 12]. Аксиологичность, интенциональность и интерсубъективность – вот выделяемые В.Л. Лехциером сущностные свойства личных историй и нарративов, которые, на наш взгляд, позволяют схватить субъективность конкретной ситуации [8, с. 6]. Каждый из этих феноменов может рассматриваться как «чрезвычайно изменчивая форма посредничества между личностными и обобщенными канонами культуры, то есть является одновременно моделью мира и моделью собственного “я”» [2, с. 38]. В рамках данного исследова-

дования личные истории и нарративы понимаются как ментальные структуры, направленные на осознание и упорядочивание окружающего мира, конструирование реальности и понимание своего места в ней.

Требует уточнения, что рассматриваемые типы высказываний будут отличаться от перформативных и итеративных. Напомним, что первые из них представляют собой разновидность «автореферентных дискурсов», которые выступают не чем иным, как исполнением некоторых действий. В свою очередь, во второй совокупности актов говорения «референтное содержание речи лишено событийности, но взамен наделено стабильностью и закономерностью естественных (природных) или нормированных (культурных) состояний и процессов» [14, с. 120]. Как известно, любые итерации сводятся к повторениям. Они репрезентируют жизнь через регулярное совершение тех или иных «архетипических деяний». Данная группа высказываний также не связана с событиями, но соотносится с категориями. Нарратив всегда связан с событием, но при этом может включать в себя элементы итеративного и перформативного повествования, всегда выступает средством репрезентации накопленного личностью экзистенциального опыта [16; 27].

Перформативные высказывания нацелены на совершение действий, итеративные же позволяют формировать теоретические знания, рассматриваемые социальные феномены открывают возможности для фиксации событийной памяти. В полной мере соглашаемся, что «сообщения о жизни – полные, насколько возможно, представляют собой лучший тип социологического материала» [20, с. 57]. Инструментальное значение личных историй и нарративов состоит в их включенности и конгруэнтности контекстам «большой истории». Именно конкретизация и насыщение ранее не известными интересантам подробностями и штрихами позволяют не просто оживить ее, но прочувствовать и де-факто прожить рассказываемое прошлое как современное. По меткому замечанию В.П. Потамской, нарратив выступает как «условие создания истории как таковой» [11, с. 3].

Получается, что обращения к личным историям и нарративам всегда связаны с ее значимостью для рассказчика, которая к тому же не утрачена в актуальных реалиях. И.В. Троцук подчеркивает, что данные социальные феномены дают возможность конструировать «первоначальное многообразие точек зрения и более реалистичную картину прошлого, которая может подставить под сомнение официальную версию событий» [23, с. 42]. Однако следует сказать, что «большая» история суммативно не сводится к набору «мемуарных» историй. Можно сказать, что в процессе повествования формируется целая палитра семантических реальностей. Наконец, потребность апеллирования к личным историям и нарративам актуализируется тогда, когда исследователи вынуждены осуществлять переход с «высоты исторической теории» «к неуклюже индивидуальным человеческим жизням, лежащим в их основе» [19, с. 23].

На основании проведенного анализа в современных реалиях резонно полагать наличие множества подходов к пониманию личных историй и нарративов. В общем виде они укладываются в логику двух магистральных направлений – узкого и широкого. В соответствии с первым личные истории и нарративы связаны с повествованием и специфическим способом изучения и объяснения в гуманитарных науках; в свою очередь, на наиболее полное, суть философское, прочтение двух рассмотренных феноменов претендует их дефинирование как особых ментальных образований, т. е. схем или фреймов, при помощи которых субъекты объясняют и упорядочивают процессы и события социокультурной реальности, конструируя и моделируя ее. Представленные подходы не противоречат друг другу, более того, плюрализм исследовательских оптик обусловлен сложностью и вариативностью рассмотренных феноменов, которые также входят в инструментарий познания и помогают структурировать и описывать окружающую действительность. В личных историях и нарративах переплетено субъективное и объективное, индивидуальное и коллективное, универсальное и национальное. В их основании всегда происшествие, которое по тем или иным причинам приобрело для рассказчика высокую ценность и статус событийности, было осмыслено им и положено в основу сюжета повествования. Восприятие события и отбор событий для последующей драматургии происходит под влиянием личностных особенностей рассказчика, его аксиологических модусов, мировоззрения и потребностей. Однако описание события может и чаще всего не обладает фактической достоверностью, но при этом является реалистичным для самого рассказчика.

Список литературы

1. Божков О.Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 74–87.
2. Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
3. Готлиб А.С. Нарративный поворот // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
4. Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
5. Иовва Н.И. Нарративные ресурсы публицистического высказывания: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 162 с.
6. Козлов А.С. Некоторые свойства поведения исторического нарратива в современности // Документ. Архив. История. Современность. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 296–301.
7. Крокинская О.К. Слово как единица повествования. Познавательные возможности дискурса и нарратива в социологической анкете // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 15–29.
8. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 5–8.

9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
10. Пилогина Е.В. Нарративное прочтение истории: ретроспектива и перспектива // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 6. С. 89–93.
11. Потамская В.П. Проблема исторического нарратива в англо-американской аналитической философии истории: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2018. 23 с.
12. Равочкин Н.Н. Лингвистический поворот: социально-философский потенциал // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 8. С. 70–74.
13. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. М.; СПб.: Унив. книга, 2000. Т. 1. 313 с.
14. Салиева Л.К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 116–128.
15. Сыров В.Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 39–52.
16. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4, № 3. С. 113–135.
17. Сыров В.Н. Тема нарратива в современной западноевропейской философии истории // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. № 7 (23). С. 14–18.
18. Терёбков А.С. К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 114–117.
19. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь Мир, 2003. 368 с.
20. Томпсон П. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // Биографический метод. История, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. 147 с.
21. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6). С. 41–53.
22. Троцук И.В. Нарративный анализ в социологии (Возможности практического применения): Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. Москва, 2005. 24 с.
23. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Уникум-центр, 2006. 207 с.
24. Тюпа В.И. На пути к исторической нарратологии // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 32–54.
25. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 58 с.
26. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
27. Fludernik M. Towards a «Natural» Narratology. London: Routledge. 1996. 454 p.
28. Framosi R Narrative analysis - or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554.
29. Silverman D. Doing qualitative research. London: Sage publications, 2006. 395 p.

PERSONAL STORIES AND NARRATIVES AS SOCIAL PHENOMENA OF MODERN TIME: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

N.N. Ravochkin

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev
Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov, Kemerovo

In modern scientific knowledge, attention to language and its potential is increasing. Personal stories and narratives that came to the fore as a result of the linguistic turn allowed researchers to focus on new representational possibilities and heuristic facets in the perception, explanation and structuring of sociocultural reality. It is quite legitimate to talk about the awareness of the significance of narratives in life, concentrated not in specialized texts, but in everyday language. In addition, it should be noted that in modern conditions the emphasis is shifting precisely to the performative nature of personal construction and modeling of reality in a variety of communities. Therefore, the structural and functional potential of personal stories and narratives is constantly expanding. This article is devoted to the consideration of personal stories and narratives in modern realities. The author captures the active narrativization of scientific knowledge, focusing on the representative capabilities of these social phenomena and differentiating between narratives as such, expressing the author's understanding of any facts through the prism of his life experience and their subsequent presentation, and personal stories, as stories of mental subjects directly about their life events. Based on the analysis of various approaches, the essential characteristics of the social phenomena under consideration are clarified. The work also examines the stages of formation of personal stories and narratives. In conclusion, the results of the study are summarized.

Keywords: *personal history, narrative, author, society, meaning, subjectivity, image, discourse, life world.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – Phd (Philosophical Sciences), associate professor, professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; professor of pedagogical technologies dept., Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2024
Дата принятия рукописи в печать: 15.03.2024